

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

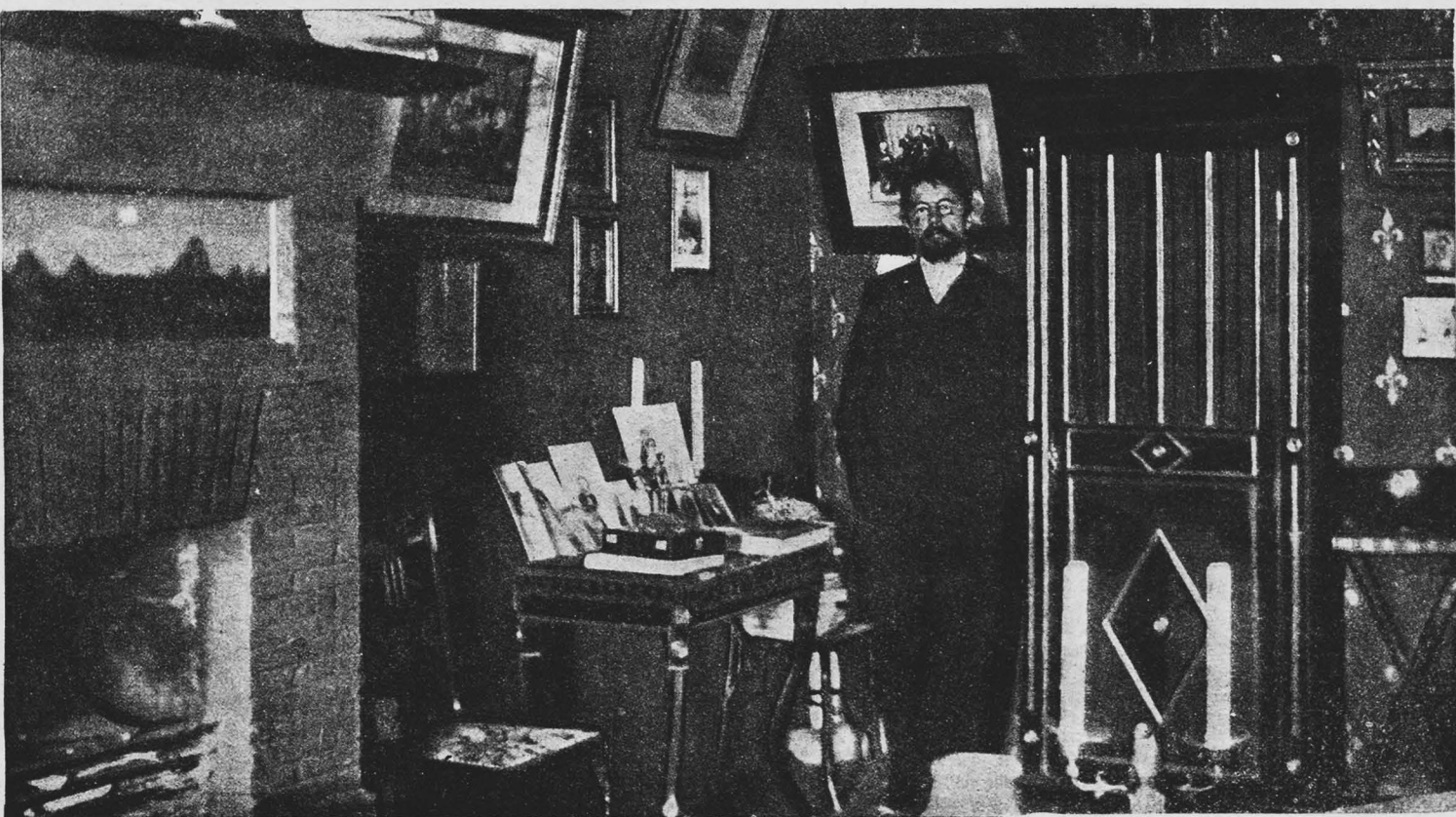
№ 29

14 июля 1929 г.

КРАСНАЯ НИВА

СЕДЬМОЙ

ГОД ИЗДАНИЯ

А. П. Чехов в своем кабинете в Ялте (1903 г.)

О ЧЕХОВЕ

ЧЕХОВ не любил интеллигентских, либеральных юбилеев.

«...к чему он чувствовал непобедимый, почти панический ужас,— свидетельствует мемуарист,— так это к торжественным выступлениям, в особенности если подозревал, что от него потребуются активное участие».

С банкета, устроенного «Русской Мыслью» Григоровичу, Чехов попросту

сбежал. Между тем он был обязан старому писателю первой, столь дорогой для начинающего поддержкой.

Не должны ли мы видеть в этом поступке Чехова проявление грубого чувства, признак черствой неблагодарности?

Вот как объясняет дело сам Чехов: «Ведь это же понятно. Я был открыт Григоровичем и, следовательно, должен сказать речь. И при этом непременно о том, как он меня открыл. Иначе будет не любезно!.. Я, положим, этой речи не скажу, меня долго будут толкать в бок, я все таки не скажу, потому что не умею. Но встанет Лавров и расскажет, как Григорович меня открыл. Тогда поднимется сам Григорович, подойдет ко мне, протянет мне руку и заключит меня в объятия и будет плакать от умиления... Ну, это его дело, но самое главное, что и я должен буду плакать, а этого я не умею. Словом, я не оправдаю ничьих надежд!»

Эти слова отводят от Чехова подозрение в грубости чувства. Очевидно, он уклонился от банкета просто из боязни публичного выступления. Знаменитый писатель, чье имя уже в ту пору гремело по всей России, видимо, конфузился

ся при одной мысли о том, чтобы стать центром общественного внимания. Он не хочет выставлять на вид свою скромную фигуру. Человек сугубо-партикулярный, он стесняется. Он не может, он не умеет, он боится не оправдать надежд. Он просит оставить его в покое, дать ему возможность отойти в тень.

Скромность, быть может, чрезмерная, но похвальная, бесспорно. И более того: скромность трогательная.

Великий человек, стесняющийся выставлять себя на показ из уважения к общественности, стыдливо уступающий дорогу другим, меньшим, но, по его мнению, более достойным,—это ли не умильное зрелище?

Небесполезно, однако, узнать, что на самом-то деле Чехов не любил юбилеев отнюдь не из скромности. Елейный портрет стыдливого интеллигента в действительности очень мало походит на Чехова. В действительности Чехов не только не любил либеральных юбилеев. В действительности он их презирал.

«...те, которые давали обед приезжавшему Григоровичу, говорят теперь, как много мы лгали на этом обеде и как много он лгал» — пишет Чехов в одном из писем.

Вот итог торжества, от которого Чехов без всякой интеллигентской уступчивости, а, напротив, очень решительно уклонился.

Ложь неизбежная при всяком показном, формальном чествовании (а могло ли быть иное в обстановке либеральной болтовни и реакционной действительности)—вот что оттолкнуло Чехова от участия в празднестве. Острое сознание своего превосходства над ложью, а не робкое преклонение перед авторитетностью события заставило Чехова отступить. Пренебрежение руководило его отходом, а не трепет.

Антоша Чехонте

